

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200207
УДК 94(47)"1905/1907"+070(09)

Н.Н. РОДИГИНА

ОБРАЗЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЖУРНАЛЕ «БОЖИЯ НИВА» 1905–1907 гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

На основе критического дискурсного анализа статей журнала «Божия нива» за 1905–1907 гг. выявлено отношение их авторов к Первой русской революции, выяснено, в каких рубриках и жанрах актуализировалась «революционная» тематика в журнале, с помощью каких риторических приемов, слов-маркеров описывали революцию и в каких контекстах они чаще всего использовались, какие меры «спасения от революции» предлагались в качестве эффективных и на какое последствие читателей они были рассчитаны. Выявлены ключевые сюжеты, актуализировавшие образы революции, ее виновников и жертв, определены задачи, которые издание формулировало перед своими читателями – учителями церковноприходских школ, рассмотрены дискурсивные стратегии журнала, направленные на борьбу с революционными идеями.

Ключевые слова: религиозно-педагогические журналы, Первая русская революция, образы революции.

NATALIYA N. RODIGINA

IMAGES OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION IN THE MAGAZINE “BOZHIYA NIVA” IN 1905–1907

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Based on a critical discourse analysis of texts published in the religious and educational journal “Bozhiya Niva” for 1905–1907 the article reveals the attitudes of these texts’ authors to the First Russian Revolution; clarifies headings and genres where the “revolutionary” topic was actualized in the journal; defines some rhetorical techniques, key words which helped to describe revolution and some contexts in which they were used most often; determines the measures of “salvation from the revolution” proposed as effective and what aftereffect of readers was expected after these measures. The monthly pedagogical journal “Bozhiya Niva” was published by the Holy Trinity St. Sergius Lavra with subtitles “Troitsky interlocutor for parochial schools” (1902–1905), and “Troitsky interlocutor for Orthodox school and family” (1906–1917). The magazine editor was the bishop (later the archbishop) Nikon (in the world N. I. Rozhdestvensky), a supporter of the “popular” Orthodoxy. The magazine’s key topic from January 1905 to December 1907 was the revolutionary threat. Advanced articles, didactic texts from the internal review of “Our Diary”, critical reviews of periodicals were devoted to it, besides it was raised in the bibliographic section. The following main issues related to the revolution were reflected in the magazine: 1) the fear of revolution, which was one of the symptoms impending the monarchy’s disintegration (described by metaphors of disease, death, destruction), the triumph of atheism, mass egoism and militant utilitarianism; 2) the Russian intellectuals, who uncritically assimilated Western ideas, as the turmoil of social upheavals, and the Russian people, strong with their sincere Orthodox faith, as the main savior of the country; 3) the theme of children’s suffering and sacrifices related to the pernicious experience of the revolution as the triumph of the “modern plague of nihilism” and “western ideas” 4) heroes–rescuers of Russia from revolutionary ideas.

Key words: religious and pedagogical journals, First Russian Revolution, revolution images.

Наталья Николаевна Родигина – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>

Nataliya N. Rodigina – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Представления о революции в русской общественной мысли и массовом сознании традиционно привлекают внимание как профессиональных исследователей, политиков, журналистов, писателей, так и людей, которые не вовлечены в поля науки, политики и искусства, но в процессе своих идентификационных исканий обращаются к прошлому. Каждое поколение ищет в текстах о революции ответы на вызовы «своей» эпохи, используя для интерпретации этого понятия свои языки описания, фиксируя внимание на тех образах и метафорах революции, которые кажутся наиболее выразительными для формулирования ими вопросов не столько к прошлому, сколько к настоящему. При этом чаще всего интерес вызывают прецедентные тексты, обсуждение которых не только включает в диалог с предшественниками и современниками, но и дарит надежду на их ценность для потомков. Мне же представляется важным на примере журнала «Божия нива» осмыслить те версии революции, которые транслировали современникам православные педагогические журналы начала XX в.

С одной стороны, обращение к таким изданиям позволит понять, какие именно рецепты революции были востребованы их авторами для описания современных им событий и явлений, при помощи каких метафор они говорили о революции со своими читателями, в каких контекстах и с какими целями обращались к этой теме. С другой стороны, это даст возможность составить представление о том, как и что «было принято» сообщать о новых явлениях в политической жизни Российской империи учителям церковноприходских школ (далее – ЦПШ), как вообще мыслилась их роль в быстро меняющейся реальности начала XX в.

Нельзя утверждать, что проблема отношения церковной периодики к русским революциям начала XX в. является маргинальной в отечественной историографии, однако способы конструирования образов революции в религиозно-педагогическом еженедельнике «Божия нива», насколько мне известно, еще не становились предметом специального анализа.

Я опиралась на публикации К.Е. Нетужилова, А.Н. Кашеварова о влиянии общественно-политической и социокультурной ситуации начала XX в. на рост количества и разновидностей церковных периодических изданий, об их направлениях, структуре, тематических приоритетах, читательской аудитории [1; 2]. Статьи Нетужилова о «народной» церковно-педагогической журналистике, личности и публицистической деятельности редактора «Божией нивы» – архимандрита Никона (Рожественского) позволили выяснить как историю интересующего меня издания, так и биографию его идеолога-основателя, уточнить образ читателя-адресата, на которого ориентировался журнал, а также его авторский корпус [3; 4].

Исследования А.Ю. Полунова, А.В. Репникова, А.А. Тесли [5; 6; 7; 8] дали возможность уточнить отношение власти в лице обер-прокурора Синода

К.П. Победоносцева к «простому народу» и его воспитателям, которым в конечном итоге предназначался заинтересовавший меня журнал, понять, какие именно идеи К.П. Победоносцева были усвоены авторами журнала. Работы В.В. Ведерникова, С.Л. Фирсова об отношении православной церкви к политическим реформам в период Первой русской революции позволили конкретизировать представления церковных интеллектуалов об общественной роли церкви, о восприятии ими освободительного движения [9; 10]. Публикации Т.Е. Житенева, Т.Г. Леонтьевой, Л. Манчестер помогли уточнить образ адресата журнала – учителей ЦПШ, выявить их численность и состав, образовательный уровень, социокультурный облик [11; 12; 13; 14].

Представляется важным наблюдение М.А. Гончарова и М.Г. Плоховой об идеальной, с точки зрения правительственной политики и Синода, модели учителя ЦПШ, которая реализовалась в системе их профессиональной подготовки: с невысоким образовательным цензом, ограниченным кругозором, с четко сформированными идеологическими установками охранительного характера [15, с. 111]. О размере потенциальной читательской аудитории журнала в какой-то степени свидетельствует количество церковных школ, достигшее апогея к 1903 г., составив 44 тыс., включая школы грамоты [16, с. 111].

Таким образом, моими предшественниками в общих чертах раскрыт исторический, в том числе идейный контекст, в котором функционировал журнал; выяснен образ коллективного автора и адресата дискурса «Божьей нивы» о Первой русской революции.

Моя задача – на основе дискурсного анализа текстов журнала за 1905–1907 гг. выявить: как именно в разных рубриках и жанрах актуализировалась «революционная» тематика, при помощи каких риторических приемов, слов-маркеров описывали революцию, какие меры «спасения от революции» предлагали в качестве эффективных. Источниками, выявленные мною в результате сплошного просмотра, стали разножанровые тексты, в которых упоминается слово «революция» и его синонимы и которые опубликованы в журнале в 1905–1907 гг. Я обращаюсь к тому варианту критического дискурсного анализа, который предложен Т. ван Дейком и предполагает приоритетное внимание к следующим вопросам: 1) как та или иная «мы-группа» (в данном случае – редакция журнала) контролировала не только производство дискурса (в нашем случае – текста), но и контекст, решая, кто и с какими целями его создает; 2) как структуры самого дискурса становилась предметом контроля (что должно быть сказано, с использованием каких риторических приемов и т. п.); 3) какие дискурсивные жанры использовались создателями журнала для реализации своей символической власти [17, с. 28, 57].

Ежемесячный педагогический журнал «Божия нива» издавался Троице-Сергиевой лаврой с подзаголовком «Троицкий собеседник для церковно-приходских школ» (1902–1905) и «Троицкий собеседник

для православной школы и семьи» (1906–1917). Редактором журнала был яркий и, по словам историка К.Е. Нетужилова, достаточно нетипичный для мира православной журналистики епископ (а потом и архиепископ) Никон (в миру Н.И. Рождественский) – сторонник «народного» православия, не имевший религиозного академического образования [4, с. 170]. «Божия нива» была одним из издательских проектов Никона наряду с популярнейшими «Троицкими листками» и изданием для детей «Зернышки Божией нивы». Журнал адресовался главным образом учителям ЦПШ и был одобрен Училищным советом при Святейшем Синоде для школьных библиотек. В качестве авторов привлекались священники и учителя ЦПШ. Годовая подписка на журнал стоила 1 руб. (с пересылкой), цена одного номера составляла 10 коп. Постоянные тематические рубрики дают представление о круге интересов этого издания: «Церковь и школа», «Семья и школа», «Школа и народная жизнь», «Школа как воспитательница эстетических чувств», «Посевы и всходы», «Летопись церковных школ», «Переписка наших читателей», «Наш дневник». В объявлении о подписке редакция обозначала свою цель и образ адресата издания следующим образом: «служить... раскрытию и решению вопросов школьного воспитания», а также тех вопросов «нашего тревожного времени», «которыми может интересоваться не только школа, но и семья, не только труженики на ниве народного просвещения, но и родители...» [18, с. 242].

ДИНАМИКА ОБРАЗОВ РЕВОЛЮЦИИ

Тема революционной угрозы становится одной из ключевых для издания, начиная с первых выпусков 1905 г., и не теряет своей актуальности до лета 1907 г. Она поднималась в страстных передовых статьях будущего доктора богословия, профессора Д.И. Введенского, во внутреннем обозрении «Наш дневник», в обзорах периодической печати и в библиографическом разделе. Из 30 номеров журнала, вышедших с января 1905 г. по июнь 1907 г., в 24 упоминаются те или иные революционные события, а также содержатся оценки революции как явления.

О предчувствии революции и значимости предполагаемых ее последствий свидетельствует редакционная статья в первом январском выпуске 1905 г., посвященная анализу событий предшествующего года. Начинается она апокалиптическим заявлением: «Многострадальная... Как приложим этот эпитет в настоящий момент к нашей родине, пережившей в минувшем году тяжелые беды, которым и доселе еще не видно конца» [19, с. 2]. В передовой статье актуализируются две угрозы: первая – коварный языческий восток (время Русско-японской войны), которому страна в жертву приносит своих сынов, вторая – общественная мысль, «всколыхнувшая в тяжелую годину» непонятное самообличение, обидное и бесцельное самобичевание, призывы к самоисправлению. Однако само слово «революция» в первой половине 1905 г. употреблялось довольно

редко. Чаще всего вместо него использовались либо эфемизмы, либо (по мере нарастания революционных событий) метафоры и эмоционально-оценочные суждения. Так, в февральском номере 1905 г. нейтрально говорится о массовом рабочем движении, о том, что до боли грустно читать о стачках и забастовках, отмечается, что воспитывающая школа не должна обходить их молчанием. Редакция издания видит в происходящих событиях упрек «ревнителям народного просвещения... в недостаточной подготовке к жизни питомцев своих школ и предостерегающий призыв к более добросовестному исполнению своего долга, состоящего... в воспитании родине честных и мирных граждан» [20, с. 58]. Однако с лета 1905 г. слово «революция», как синоним «тяжких, многоскорбных времен», «ужасного кошмара», «побеждающего насилия», активно используется авторами издания.

Сюжет о грядущем конце «родной земли», соотносящийся с революционными событиями, можно назвать сквозным для передовых статей и рубрики «Наш дневник» на всем протяжении изучаемого периода. Приведу типичную в этом смысле реплику, позволяющую судить о риторических приемах, используемых для программирования читательской аудитории: «Давно воспевавшая приход “весны” известная часть нашего общества дождалась... и “теплого лета”. Без одежды внешней порядочности и без всяких прикрытий во всей наготе вышла она на простор и, несдерживаемая, не стройными голосами стала распевать о “правах” “свободного” гражданина. А среди этих общих голосов, позорящих и порицающих все коренное русское, слышались и подголоски наших учителей, мнимых “народников”... Сердце рвется от боли за Русь, раздраемую внешними смутами, а они тянут себе: свобода, свобода. Как походит на выкрикивание толпы полуголодных римлян: зрелищ, зрелищ, зрелищ...» [21, с. 190].

Показательны и заголовки текстов 1905–1907 гг.: «Жертвы современного молоха», «Все мечутся», «Потряженные». В публикациях активно используются риторические вопросы, обращения, практически все виды риторических восклицаний, антитезы, гиперболы, градации (чаще всего климакс) и метафоры. По мере нарастания революционных событий эмоциональная, в том числе метафорическая насыщенность текстов усиливается, очевидно стремление редакции держать читателей в постоянном напряжении. Так, анонимный рецензент на брошюру Яковлевича «Русская революция и еврейская социал-демократия» (Харьков, 1905) в марте 1906 г. восклицает: «Время ужасов и неудержимого помешательства на забастовках заставляет, без сомнения, всех тех, кому вверено воспитание детей, обратить на это губительное для нашей несчастной родины явление. Не только взрослые, но даже и юноши и дети... слышат часто о забастовках и революции..., которые чинят мятежники, недвольные существующим строем жизни и готовые поправить все святое, дорогое православным людям. Вот почему... добрым руководителям детей и труженикам

школ небесполезно ознакомление с сущностью революционного движения в целях уяснения его тем, кто инстинктивно отвращается от всех замыслов революционеров, но не понимает существа этого пагубного явления» [22, с. 100].

Журнал активно обращается и к такому приему идеологического программирования, как многократные повторы ключевых слов-маркеров. Причем этот прием характерен для всех рубрик издания. В качестве примера с уже знакомыми нам словами приведу стихотворение опять-таки с «говорящим» названием «Скорбь русского сердца», причем соотносящееся с наблюдаемыми автором революционными событиями. Автор – предположительно, согласно словарю И.Ф. Масанова, священник С.А. Козубовский, помимо упомянутых повторов, апеллирует к ценностям традиционной культуры: «Забыты заветы, забыты преданья, забыт и труд честный с молитвой святой. Повсюду лишь горе, стон и страданье, погромы, пожары, кровь льется рекой... И колют, и режут, и грабят открыто, терзают жестоко родную страну ...» [23, с. 233].

Однако, давая эмоциональную оценку революционным событиям, акцентируя основное внимание на стачках, забастовках, уличных беспорядках, съездах земских учителей, Манифесте 17 октября 1905 г., авторы журнала старались формулировать перед учителями ЦПШ конкретные задачи текущего момента. Типична следующая реплика внутреннего обозревателя журнала: «Да, великая работа и великие задачи предстоят нашей школе – воспитать в подрастающем молодом поколении должные понятия об уважении чужой собственности, чужого имущества, о труде, о религии. И вот когда чувствуется особенно настоятельная, неотложная необходимость иметь народных учителей с твердым нравственным направлением, которые воспитанию детей отдавали бы должное место и не избирали бы детей объектами для проведения “просветителями” разных теорий и идей, не имеющих ничего общего с народным православно-русским обучением детей» [24, с. 327]. При этом, провозглашая необходимость борьбы с идеями, вызвавшими революцию, авторы журнала формулировали задачи и созидательного характера, например, говорили о необходимости участия школы в подготовке учеников к роли народных представителей в новых выборных органах власти, в том числе в Государственной думе, «для сознательного и плодотворного участия в устройении счастья и благополучного преуспеяния дорогой родины – в устройении, к которому государем призваны лучшие ее представители» [25, с. 129].

К 1907 г. по мере угасания революционной активности интересующая нас тема становилась все менее актуальной для журнала. В мае 1907 г. священник А.Д. Италинский с удовлетворением констатировал, что революция существенно не повлияла ни на рост количества ЦПШ, ни на количество учащихся, ни на школьную дисциплину, сами же учителя (за единичными исключениями) играли скорее пассивную, чем активную роль в революционных событиях: «Итак, ниче-

го существенного и важного в судьбе наших церковных школ не произошло. Из горнила революции вышли они чистыми и почти неприкосновенными» [26, с. 156].

ДЕТИ – ЖЕРТВЫ И ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ

Остановимся на контекстах и приемах формирования образов революции в журнале. Один из них – актуализация темы детских страданий и жертв в связи с тлетворным влиянием революции как триумфа «современной язвы нигилитины» и «западных идей».

В декабре 1906 г. журнал сообщал «леденящие душу» подробности о героической смерти от рук дружинников-мятежников маленького героя – сына московского мещанина Александра Линера, который мешал им строить баррикады. Завязка рассказа о подвиге «маленького героя из народа» в определенной степени типична и показательна для понимания риторики «говорения» о Первой русской революции: «Несомненно слухи о недавних декабрьских, и особенно, московских, ужасах успели уже распространиться по самым отдаленным уголкам нашей многоскорбной родины. Но среди этих ужасов с особою неумолимою живучестью встает перед нами одна, леденящая душу, подробность, которая, может быть, прошла незамеченно в местных органах печати, склонной иногда затушевывать подвиги скромных героев, часто жертвующих своей жизнью ради блага родины» [27, с. 66]. Далее на основе одной из московских газет (ее название в тексте не упоминается) следует описание действий мальчика, начавшего «своими слабыми ручонками с мужеством достойным взрослого» убирать хлам и перерезать проволоку, при помощи которых были сделаны баррикады. Позволю себе привести еще один отрывок из текста: «Тогда мятежники, видя, что работа мальчугана не бесплодна, схватили его... и через мгновение недалеко от баррикад лежал окровавленный трупик мальчика, послужившего своими малыми силами делу разрушения баррикад» [27, с. 66].

Можно сказать, что тема детей актуализировалась на страницах педагогического журнала при помощи двух ключевых сюжетов – детей-жертв (реальных или потенциальных) и детей-героев, описание которых по многим параметрам близко к каноническим описаниям пионеров-героев в детских изданиях конца 1920–1930-х гг. При этом, как принято в патриотическом дискурсе начала XX в., критерием героизма был не столько поступок ребенка, сколько его принадлежность «к нашим», т.е. выступление на стороне той «мы-группы», интересы которой формировало и отражало издание. К примеру, о похожем поступке мальчика, защищавшего баррикады, построенные рабочими, мы встречаем практически «зеркальный» текст, в котором оценки поступка и мальчика заменены на противоположные в сравнении с описанием смерти Саши Линера.

«В библиотеке “Юного читателя” есть один рассказ “Из жизни уличного мальчика”. Герой этого рассказа – продукт свободного воспитания. Способный мальчик-шалун, он спокойно разгуливает по улице.

Попад в толпу забастовщиков и не будучи в состоянии справиться с охватившим (где же свобода?) его общим настроением, он “бунтует”, “кричит”, берет “красный флаг”, протягивает руку с камнем и падает под пулей... Вот самоопределяемость предоставленного свободно-му саморазвитию юнца... Это ли идеал? Мальчик погиб от пули... А что бы было с этим дитятей свободы, если бы он благополучно избавился от нее?» [28, с. 54].

Ключевая характеристика детей в журнале – признание их в качестве объекта заботы и защиты от действий «богопротивных» сил. Показателен в этом смысле риторический вопрос из рубрики «Наш дневник»: «Итак, всюду политика, политика и политика: все приносится в жертву политике. Забываются при этом и дети. Разве не забвение, даже более, разве не пренебрежение детьми, если и школа, и храм – это общее училище благочестия, превращаются в насадителей нужной врагам нашей родины политики?!» [29, с. 200].

КТО ВИНОВАТ В РЕВОЛЮЦИИ?

Один из способов конструирования образов революции в издании – поиск причастных к тому, что она стала возможной. Главным виновником «наших немочей» называлась русская интеллигенция, некритически усвоившая западные идеи, а главным спасителем – русский народ, сильный своей искренней православной верой. К примеру, в статье Д. Введенского с символическим названием «Без крыльев» (июль 1906 г.) читаем: «Душно русскому народу от всего иноземного, от европейской свободы... Просит он воли честному труду, не хочет свободы преступным деянием, не желает воспитывать детей без заповедей закона Божия – по одномумышлению человеческому... И однако ему навязывают эту “свободу”, его заставляют быть свободным, освобождают его детей от подчинения высшему – и Божескому, и человеческому авторитету. И он, не умеющий использовать и осмыслить эту свободу, чувствует какой-то душевный разлад, какую-то сердечную тугу...» [30, с. 158].

Отмечу, что собирательный образ Запада на страницах издания достаточно амбивалентен, что, в принципе, присуще культурно-географическим образам как феномену массового и индивидуального сознания. С одной стороны, западная культура в самом широком смысле была несомненным авторитетом для сотрудников журнала, и они идентифицировали себя с ее достижениями, называя передовой. Так, один из его идеологов Д.И. Введенский писал: «... увлекаясь западной культурой, мы как-то плохо воспринимаем лучшее из нее... Мы говорим об общеобязательности обучения, но эта “общеобязательность” у нас почти всегда направляется желанием изгнать из школы воспитывающее обучение. <...> По долгу совести и во имя лучшей настроенности детей и, если нужно говорить об авторитете Запада, то и во имя этого авторитета, мы должны дать им “духовный хлеб”, мы должны воспитывать их в правилах честности и нравственной порядочности» [31, с. 43, 46].

Вместе с тем, Запад позиционировался как символический «Другой», и та часть русской интеллигенции, которая рассматривала Россию как часть западной культуры, игнорируя национальную специфику, обусловленную православием, монархией и самобытностью русского народа-богоносца и патриота, наделялась ответственностью за распространение атеизма, утилитаризма, идей революционного переустройства общества. Суть отношения редакции издания к Западу, наверное, четче других сформулировал неоднократно упомянутый Д.И. Введенский: «Пусть же смолкнут голоса непривзванных пророков, желающих угрожать нашему народу полным падением, если он не вкусит от плодов европейской цивилизации. Наш народ с его верою, с его беззаветною преданностью своей родине сам пророчествует за себя, и его пророчество оправдывается жизнью по вере. И смысл этого пророчества ясен: Россия будет “непобедима”, если труженики школ и наш добрый русский народ, усвоив от передовой культуры все лучшее, не погасит вместе с тем в себе главного – православной веры и живого религиозного чувства» [19, с. 4–5].

Можно предположить, что образ Запада в журнале выполнял вполне прагматические и инструментальные функции: наиболее подходящие к случаю характеристики этого образа востребовались для подтверждения тех или иных авторских аргументов, в зависимости от которых и менялись оценочные суждения в отношении западной культуры, в том числе политической.

К виновным в «русской беде» – революции авторы журнала в первую очередь относили идейных противников ЦПШ, деятельность которых способствовала «революционной смуте»: учителей земской школы, издателей детских и педагогических журналов (таких как «Юный читатель», «Учитель» и др.), участников учительских и земских съездов. Для авторов журнала типичен следующий вариант конструирования образа сторонников светского начального образования как чужих русскому народу сил (про областной съезд учителей Владимирской губернии): «Точно коршуны кровожадные со всех сторон налетели на Русский народ разные, “чуждые ему по вере и крови” его мнимые радители – развратители, точно черные вороны они выются и каркают над необозримыми пространствами нашей родной земли. То слетаются они на разные “съезды” и “митинги”, – то разлетаются по своим гнездам, чтобы зорко наблюдать, как бы не ушла от них добыча» [32, с. 27].

Номер за номером журнал разоблачал «происки» сторонников светского образования, начиная с срывания масок с таких многообещающих заявлений: «Личина сброшена!», «Суди, Господи, обидевших мя!». В полемической статье «Всуе мятутся!», подписанной «учитель И. Скородумов», автор рассуждает о пагубности и беспочвенности атеизма, называя его новой религией, и соотношении знания и веры. Признавая основными преимуществами христианской религии то, что она дает понятное всем решение всех

вопросов и, в отличие от науки, живущей верой в будущее, призрачное, несбыточное, верит в вечное, настоящее, духовное, непреложное, Скородумов обвиняет сторонников светской школы в незнании народа. Обвинение интеллигенции в незнании своего народа – одно из самых часто встречающихся в журнале, является своего рода каркасом для конструирования образа этой социокультурной группы (он, как и образ «правильного» учителя, тоже выстраивался по принципу бинарных оппозиций по отношению к народу: педагоги ЦПШ – те, кто знает народ, близок к его запросам, является его помощником, и интеллигенты (западники, либералы) – чужие и чуждые народу, толкающие его в «пропасть безверия и смуты»). Сошлюсь на одно из многих характерных в этом смысле высказываний: «Сами потеряли Бога, разлюбили родину, сами живут в состоянии крайней нравственной неудовлетворенности и других зовут на путь пагубы. Вожди слепые, врачи неисцеленные! Отняв Бога, что вы дадите взамен? Вашу хваленую абстрактную науку, которой имя – пустота, суета, которая вас – пророков безбожия – не удовлетворяет? Вы не знаете народа, души народной» [33, с. 86].

НА КОГО ОПИРАТЬСЯ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Наряду с разоблачением виновников революции, редакция журнала конструировала свой пантеон героев, на которых должны были равняться «учащие» и учащиеся ЦПШ. Этих героев можно разделить на две группы: 1) герои для народа – его учителя и наставники; 2) герои из самого народа.

Герои-наставники – митрополит Филарет, «верный страж» К.П. Победоносцев, «друг народа» С.А. Рачинский. Смысл им посвященных дидактических статей, как правило, раскрывался в первых же строчках, схожих по смыслу с отзывом С. Козубовского о Рачинском: «В настоящее время, когда все смешалось – и доброе, и злое, и ложь, и истина, и любовь, и злоба, особенно важно останавливаться на тех явлениях жизни и на тех светлых личностях, в коих с поразительной ясностью, с непререкаемой очевидностью воплотилась невозмущенная правда жизни, истина евангельская» [34, с. 85]. В числе достоинств тех, кому следует подражать учителям ЦПШ, встречаем такие характеристики: любовь к народу, не позволяющая «насиловать и коверкать совесть и весь жизненный уклад крестьянской жизни во имя дурно понятой цивилизации и прогресса»; «смирненное» сознание, что народ не хуже, а лучше нас и у него многому нужно поучиться; нелюбовь к «интеллигенции, с ее умственной анархией и блужданием у алтарей богов иных»; стремление освободить народ от пьянства и векового невежества [34, с. 85–89]. «Да, это был верный, могучий страж земли Русской, охранитель национальных, исторически сложившихся особенностей Русского государства... Не экономические начала, не материальное благо, а «единство духовного самосознания» Русского народа и правительства – вот что, по нему,

должно было возвеличить Россию и обеспечить в ней внутренний мир», – читаем в некрологе К.П. Победоносцеву [35, с. 114].

По сути, редакция журнала развивала идеи самого Победоносцева о влиянии консервативной прессы на общественное мнение не только и не столько путем участия в полемике по насущным вопросам текущей повестки дня (в ней, по мнению обер-прокурора, либералы были чаще убедительнее консерваторов), а при помощи публикаций дидактически-назидательного характера – рассказов о славном прошлом, биографий «скромных тружеников провинции» – рядовых священников, учителей [6, с. 65].

В галерее героев из народа встречаем в основном собирательные образы без указания места жительства и других идентификационных характеристик: крестьянку вдову Василису, которая счастлива тем, что ее сыновья погибли за царя в Русско-японской войне, и сама была готова пойти на войну [19, с. 2–5]; отставного солдата, на последние деньги покупающего книги религиозного содержания [36, с. 127–128] и др.

Можно предположить, что именно такие герои воплощали идеал «народного православия», трактуемый редакцией журнала в рамках понятной читателям схеме: религиозность, монархический патриотизм, приверженность всему исконно русскому (патриархальная семья, уклад жизни предков), отрицание чуждых и враждебных русской жизни новаций (земской школы, светской литературы и др.).

ФУНКЦИИ ЖУРНАЛА В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Анализ публикаций «Божией нивы» о революции дает основания утверждать, что журнал присваивал себе директивные функции и претендовал на прямое управление действиями своих читателей, что, впрочем, было характерно и для подавляющего большинства светских «направленческих» ежемесячников второй половины XIX – начала XX в. В этом смысле показательна следующая цитата: «Грустно, грустно до боли было читать сообщения периодической печати о стачках и забастовках рабочих... Но да не будет ... предателей в среде честных тружеников нашей православной русской школы. Пусть сплотятся они воедино и своей напряженной работой и дружным усилием восстанут против развития в подрастающем поколении узкого, своекорыстного эгоизма» [20, с. 58–59].

Важной для журнала была контролирующая функция. Главным образом она подразумевала контроль за чтением педагогов и учащихся. Исследовательница О. Лучкина подробно охарактеризовала Св. Синод как один из центральных институтов детской рекомендательной библиографии в позднеимперской России [37]. Материалы журнала позволяют утверждать, что сотрудники издания претендовали не только на рекомендацию желательной, с их точки зрения, литературы, но и на запрет тех текстов, которые способствовали распространению атеизма и революцион-

ных идей. Квинтэссенция позиции журнала по этому вопросу может быть сформулирована словами из рубрики «Наш дневник»: «Долг всякого честного руководителя стать на страже детской чистоты и невинности и во имя этой чистоты детской природы решительно отметить все, что приносится в среду детей “прелазящими от иуды”. Чем сильнее наступает на нас враг, тем настойчивее нужно противостоять ему, чем более он будет стараться обмирщить наших детей, тем решительнее мы должны одухотворять их и иметь руководственное попечение о том, что читать им» [38, с. 184].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в годы Первой русской революции борьба с ней становится основной темой журнала. Революцию описывали при помощи метафор смерти, болезни, разрушения; ЦПШ признавали оплотом борьбы с революцией и с врагами православной Руси (революционерами, атеистами, социалистами). При конструировании образа врага журнал использует приемы, которые впоследствии оказались востребованы в революционных событиях 1917 г. и Гражданской войны всеми воюющими сторонами: апелляция к детским страданиям, присвоение права вещать от имени народа, демонизация врага. Тексты «Божией нивы» содержат следующие дискурсивные жанры прямого управления действием: 1) с помощью дискурса, выполняющего директивные прагматические функции, а именно – регуляций, инструкций; 2) при помощи формирования образа другого как врага, осуждение которого было призвано сплотить единомышленников; 3) контролирующего дискурса; 4) помимо принуждающих форм дискурса, воздействие на предполагаемые действия достигалось с помощью описания будущих или возможных событий, действий и ситуаций, например в форме прогнозов, которые часто комбинируются с разными видами советов.

Однако и в годы Первой русской революции журнал продолжает выполнять консолидирующую функцию, создавая общее коммуникативное пространство для педагогов ЦПШ, предоставляя им возможность и для обсуждения профессионально и лично значимых проблем, обмена опытом; информационную функцию – сообщая о новых книгах, значимых событиях и явлениях в жизни Русской православной церкви; идентификационную – давая возможность отождествлять или не отождествлять себя с профессиональным сообществом педагогов ЦПШ, осознавать ценности этого сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX века. СПб., 2008. 266 с.
2. *Кашеваров А.Н.* Печать Русской Православной Церкви в XX в.: очерки истории. СПб., 2004. 162 с.
3. *Нетужилов К.Е.* Архимандрит Никон (Рождественский) и формирование «народной» церковно-консервативной журналистики в XIX веке // *Вестн. СПб ун-та.* 2008. Сер. 9. Вып. 3, ч. II. С. 320–324.
4. *Нетужилов К.Е.* Церковно-педагогическая журналистика в России в конце XIX – начале XX века // *Изв. РГПУ им. А.И. Герцена.* 2009. № 93. С. 166–173.
5. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. 374 с.
6. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в 1890-е – начале 1900-х гг.: механизмы воздействия на общественное мнение // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России.* 2010. № 1. С. 60–73.
7. *Репников А.В.* Победоносцев Константин Петрович // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века / отв. ред. В.В. Шелохаев.* М., 2010. С. 362–368.
8. *Тесля А.А.* Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П. Победоносцева 1870–1890-х гг. // *Социологическое обозрение.* 2017. Т. 16, № 1. С. 151–172.
9. *Ведерников В.В.* Православная церковь и политические реформы в период Первой русской революции // *Азиатская Россия: люди и структуры империи.* Омск, 2016. С. 281–289.
10. *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. 623 с.
11. *Житнев Т.Е.* Школы грамоты Российской империи конца XIX – начала XX в. // *Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева.* 2014. № 4 (17). С. 183–191.
12. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. 253 с.
13. *Леонтьева Т.Г.* Церковно-приходская школа в системе начального образования второй половины XIX века // *Неизвестные страницы истории Верхневолжья.* Тверь, 1994. С. 33–43.
14. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А.Ю. Полунова. М., 2015. 448 с.
15. *Гончаров М.А., Плохова М.Г.* Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – начале XX в. // *Вестн. православного Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. Сер. 4. Педагогика, психология.* 2012. № 2 (25). С. 101–117.
16. *Житнев Т.Е.* Деятельность Русской Православной Церкви в сфере народного образования в конце XIX – начале XX века // *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика.* 2012. № 19 (138), вып. 24. С. 109–113.
17. *Тен А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М., 2014. 344 с.
18. Нашим читателям // *Божия нива (далее – БН).* 1905. № 46. С. 241–243.
19. *Введенский Д.И.* По поводу событий минувшего года // *БН.* 1905. № 37. С. 2–5.
20. Наш дневник // *БН.* 1905. № 38. С. 58–60.
21. Там же. № 43. С. 190–191.
22. Библиография // *БН.* 1906. № 51. С. 100–101.
23. [*Козубовский С.А.*] Скорбь русского сердца // *БН.* 1906. № 57. С. 233–234.
24. Наш дневник // *БН.* 1906. № 49. С. 325–327.
25. Посевы и всходы // *БН.* 1906. № 52. С. 129–131.
26. *Италинский А.* Из дневника епархиального наблюдателя: под грозой октябрьских и декабрьских событий 1905 г. // *БН.* 1907. № 65. С. 153–156.
27. Наш дневник // *БН.* 1906. № 50. С. 66–67.
28. *Введенский Д.И.* Скучно жить // *БН.* 1907. № 62. С. 50–54.
29. Наш дневник // *БН.* 1906. № 55. С. 197–200.
30. *Введенский Д.И.* Без крыльев // *БН.* 1906. № 54. С. 158–162.
31. *Введенский Д.И.* Во имя нравственности и авторитета Запада... // *БН.* 1906. № 50. С. 42–46.
32. Наш дневник // *БН.* 1906. № 49. С. 27–30.
33. *Скородумов И.* Все мнутя // *БН.* 1907. № 63. С. 85–87.
34. *Козубовский С.А.* За кем нам идти? (Друг народа С.А. Рачинский) // *БН.* 1906. № 51. С. 85–89.

35. *Введенский Д.И.* Верный страж // БН. 1907. № 64. С. 114–117.

36. *Козубовский С.А.* Русские классики как воспитательный материал для школьного и народного чтения // БН. 1905. № 41. С. 127–131.

37. *Лучкина О.* Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. 2012. Т. 2. № 2. С. 115–135.

38. Наш дневник // БН. 1907. № 66. С. 183–184.

REFERENCES

1. *Netuzhilov K. E.* Church periodicals in Russia in the XIX century. Saint Petersburg, 2008, 266 p. (In Russ.).

2. *Kashevarov A. N.* The seal of the Russian Orthodox Church in the XX century: essays on history. Saint Petersburg, 2004, 162 p. (In Russ.).

3. *Netuzhilov K. E.* Archimandrite Nikon (Rozhdestvensky) and the formation of “popular” church-conservative journalism in the 19th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9*, 2008, no. 3, pt. 2, pp. 320–324. (In Russ.).

4. *Netuzhilov K. E.* Church-pedagogical journalism in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2009, no. 93, pp. 166–173. (In Russ.).

5. *Polunov A. Y. K.P. Pobedonostsev* in the socio-political and spiritual life of Russia. Moscow, 2010, 374 p. (In Russ.).

6. *Polunov A. Y.* Constantin Pobedonostsev in the 1890s – early 1900s: mechanisms of influence on the public opinion. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Istoriya Rossii*, 2010, no. 1, pp. 60–73. (In Russ.).

7. *Repnikov A. V.* Pobedonostsev, Konstantin Petrovich. *Russkiy konservativizm serediny XVIII – nachala XX veka*. Moscow, 2010, pp. 362–368. (In Russ.).

8. *Testya A. A.* The Russian conservative: on the system of political views. Pobedonostsev 1870–1890s. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 151–172. (In Russ.).

9. *Vedernikov V. V.* The Orthodox Church and political reforms during the period of the First Russian Revolution. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2016, pp. 281–289. (In Russ.).

10. *Firsov S. L.* The Russian church on the eve of changes: (late 1890s – 1918). Moscow, 2002, 623 p. (In Russ.).

11. *Zhitenev T. E.* Schools of literacy of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2014, no. 4, pp. 183–191. (In Russ.).

12. *Leont'eva T. G.* Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. Moscow, 2002, 253 p. (In Russ.).

13. *Leont'eva T. G.* Parish school in the system of primary education of the second half of the XIX century. *Neizvestnye stranitsy istorii Verkhnevolzh'ya*. Tver, 1994, pp. 33–43. (In Russ.).

14. *Manchester L.* Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia: transl. by A. Y. Polunov. Moscow, 2015, 448 p. (In Russ.).

15. *Goncharov M. A., Plokhova M. G.* Parish schools and their place in preparing teachers in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4. Pedagogika, psikhologiya*, 2012, no. 2, pp. 101–117. (In Russ.).

16. *Zhitenev T. E.* The Russian Orthodox church in the sphere of public education in the late XIX – early XX centuries. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2012, no. 19, iss. 24, pp. 109–113. (In Russ.).

17. *Van Dijk T. A.* Discourse and power: representation of dominance in language and communication. Moscow, 2014, 344 p. (In Russ.).

18. To our readers. *Bozhiya niva*, 1905, no. 46, pp. 241–243. (In Russ.).

19. *Vvedensky D. I.* On events of the past year. *Bozhiya niva*, 1905, no. 37, pp. 2–5. (In Russ.).

20. Our diary. *Bozhiya niva*, 1905, no. 38, pp. 58–60. (In Russ.).

21. Our diary. *Bozhiya niva*, 1905, no. 43, pp. 190–191. (In Russ.).

22. Bibliography. *Bozhiya niva*, 1906, no. 51, pp. 100–101. (In Russ.).

23. *Kozubovsky S. A.* The sorrow of the Russian heart. *Bozhiya niva*, 1906, no. 57, pp. 233–234. (In Russ.).

24. Our diary. *Bozhiya niva*, 1905, no. 48, pp. 325–327. (In Russ.).

25. Crops and seedlings. *Bozhiya niva*, 1906, no. 52, pp. 129–131. (In Russ.).

26. *Italinsky A.* From the diary of a diocesan observer: under the thunderstorm of the October and December events of 1905. *Bozhiya niva*, 1907, no. 65, pp. 153–156. (In Russ.).

27. Our diary. *Bozhiya niva*, 1906, no. 50, pp. 66–67. (In Russ.).

28. *Vvedensky D. I.* It's boring to live. *Bozhiya niva*, 1907, no. 62, pp. 50–54. (In Russ.).

29. Our diary. *Bozhiya niva*, 1906, no. 55, pp. 197–200. (In Russ.).

30. *Vvedensky D. I.* Without wings. *Bozhiya niva*, 1906, no. 54, pp. 158–162. (In Russ.).

31. *Vvedensky D. I.* In the name of the morality and authority of the West... *Bozhiya niva*, 1906, no. 50, pp. 42–46. (In Russ.).

32. Our diary. *Bozhiya niva*, 1906, no. 49, pp. 27–30. (In Russ.).

33. *Skorodumov I.* Everybody is in a rush. *Bozhiya niva*, 1907, no. 63, pp. 85–87. (In Russ.).

34. *Kozubovsky S. A.* For whom should we go? (S. A. Rachinsky, a friend of the people). *Bozhiya niva*, 1906, no. 51, pp. 85–89. (In Russ.).

35. *Vvedensky D. I.* Faithful guardian. *Bozhiya niva*, 1907, no. 64, pp. 114–117. (In Russ.).

36. *Kozubovsky S. A.* Russian classics as an educational material for school and people reading. *Bozhiya niva*, 1905, no. 41, pp. 127–131. (In Russ.).

37. *Luchkina O.* Silhouettes of leaders of children's reading: priest, minister, general and others. *Detskie chteniya*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 115–135. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.02.2020

Дата рецензирования 28.02.2020

Статья принята к публикации 02.04.2020